

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. — Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — С. 175-187.

ISBN 5-7525-1640-4

А.И. Грищенко, Н.А. Николина
Экспрессивные этнонимы
как приметы языка вражды

Одной из примет языка вражды служат уничижительные наименования представителей другого этноса, распространённые в жаргонах, арго, просторечии, разговорной речи. Они либо создают образ врага, либо используются как экспрессивные номинации отчуждающего характера, отражающие релевантность для говорящих оппозиции «свой — чужой»; см., например:

Мите, говорящему по-русски с акцентом, и самому перепадает этой необъяснимой нелюбви — нелюбви вообще, в принципе, жёсткой и раздражительной, как подслеповатый снайпер <...> Митя русский <...> Но он грузинский русский, родился и вырос в Тбилиси <...>

Всё сложно, как в дневнике шизофреника: от слова «зема», обращённого к нему, делается хорошо и уютно, но слова: «чурка», «черножопый», «косоглазый», «нерусь», — произнесённые в его присутствии, вгоняют его в краску.

(Д. Гуцко. Русскоговорящий)

Уничижительные номинации лиц другой национальности отражают нетерпимость говорящих, тяготеющую над ними власть предрассудков, суеверий, этнокультурных стереотипов. Они составляют, однако, лишь часть экспрессивных наименований «чужих». Эти наименования образуют в языках обширные по составу группы, единицы которых различаются по способу образования, степени экспрессивности и образности, характеру выражаемой оценки и её силе.

В западной социолингвистике для обозначения подобных лексических единиц существует термин этнофоллизм, введённый в 1944 г. А.А. Робаком в книге «A Dictionary of International Slurs»,

которая была переиздана в 1979 г., как сохранившая своё научное значение и не имевшая к тому времени аналогов [Roback 1979, 5]. Однако уникальный труд Робака носит скорее культурологический и социологический, а не лингвистический характер и ценен скорее широтой охвата материала более чем двадцати языков, нежели глубиной исследования собственно языковых процессов. Даже термин *этнофолизм*, закрепившийся с его лёгкой руки в западной науке, вводится походя, в скобках: «...disparaging allusions (or as I have named them, “ethnophaulisms”)» [Там же, 13]. Слово *ethnophaulism*, как объясняется в более поздней литературе [Mullen B., Rozell D., Johnson C. 2001, 231], образовано сложением корней двух греческих слов: *ἔθνος* ‘народ, племя’ и *φαῦλος* ‘дурной, ничтожный’, — и обычно толкуется как «the *blason populaire*, the word used as ethnic slur to refer to outgroups» [Там же], или «словесный символ и штамп, обладающий оттенками этнической нетерпимости и предубеждения к другим народам» [Пренко 2004]. Именно в такой фонетической оболочке, соответствующей английскому произношению (вместо ожидаемого греческого «этнофаулизм»), этот термин попал в русскую лингвистику, однако до сих пор встречается в русскоязычной литературе крайне редко [например: Мокшин 1991; Пренко 2004].

В западной литературе также, но гораздо реже, используется термин *эктроним* (*ectronym*), предложенный Эриксоном [Ericson 1939]. В интернет-издании «Свободная энциклопедия Wikipedia» (<http://wikipedia.org/>) существует даже современный словарь разноязычных этнофолизмов — «List of ethnic slurs» (http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_ethnic_slurs), среди которых можно найти и слова русского языка: *буржуй* ‘человек западного мира’, *чех* ‘чеченец’, *чёрный*, *черножопый* ‘выходец с Северного Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока, Африки и Индии’, *чучмек*, *узкоглазый*, *узкоплёчный* ‘монголоид’, *чукча* ‘представитель коренных народов Сибири и Дальнего Востока’, *чухонец* ‘финн, эстонец’, *чурка* ‘выходец из Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Армении, тюрк, монгол’, *дух* ‘афганец, чеченец’, *финик* ‘финн’, *фриц* ‘немец’, *москаль*, *кацап* ‘русский (для украинцев)’, *лабус* ‘литовец’, *ламериканец* ‘американец’, *жид*, *безродный космополит* ‘еврей’, *урук* ‘выходец из Средней Азии’, *зверёк* ‘выходец с Кавказа или Средней Азии’.

Но справедливо ли считать, что лишь презрительными наименованиями (*slurs*, *ethnophaulisms*) ограничивается группа экспрессивно окрашенных этнонимов? И только ли по отношению к иным народам (*international*) они используются? Многие экспрессивные этнонимы

далеко не всегда могут быть квалифицированы как этнофоллизмы, например, принадлежащие к высокому, книжному стилю: *агаряне*, *амаликитяне*, *измаилитяне* ‘турки и другие мусульманские народы’, *галлы* ‘французы’, *россы* ‘русские’ (в последнем случае экспрессивно обозначение собственного этноса, однако налёт книжности и торжественности несколько отчуждает его от современности, так что *россы* выступают в качестве некой риторической абстракции), см. также: *Сразились. Русской — победитель! И вспять бежит надменный галл* (Пушкин. Воспоминания в Царском Селе). Нельзя, по нашему мнению, считать, что слово *хохол* ‘украинец, малоросс’ обладает исключительно пренебрежительной коннотацией; в нём сконцентрирована целая гамма оценочных значений: от собственно уничижительного до ироничного и ласково-добрососедского. Используется это наименование и самими украинцами, особенно в анекдотах. Поэтому мы считаем целесообразным употребление более широкого, хотя и составного термина экспрессивный этноним, который, на наш взгляд, адекватней термина *этнофоллизм* характеризует собственно лингвистическое, а не социальное явление.

Обращение к экспрессивным этнонимам закономерно вызывает вопросы: каковы же причины появления этих единиц в языке? когда они появляются и во всех ли языках? Что касается первого вопроса, то причины появления экспрессивных этнонимов в языке делятся на экстралингвистические и собственно лингвистические. Анализ экстралингвистических причин связывает исследование вопроса об экспрессивных этнонимах с решением общетеоретических междисциплинарных проблем, как-то: язык и общество (и социально-политическая история), язык и сознание (и история идей), язык и этнос (и этническая история), — взаимосвязанных между собой. Например, социальная активность определённой группы превращает её в отдельный этнос и приводит к столкновению с другими этническими группами, которые начинают осмысляться в определённых категориях и уже в языке получать определённые наименования. Возникновение в языке этнонимов невозможно без существования этносов и без этнического самосознания. Возникновение экспрессивности у этнонимов невозможно без субъективно-эмоционального отношения к этим этносам, а субъективно-эмоциональное отношение зависит от социально-политической истории и истории идей: например, одни этносы враждебны как захватчики или угнетённые народы и/или относятся к иной, враждебной, конфессии, другие же, наоборот, дружелюбны и единоверны.

Таким образом, со всем этим сложным и запутанным клубком экстралингвистических факторов связан и ответ на вопрос, во всех ли языках возможны экспрессивные этнонимы. Ответ однозначный: во всех, во всяком случае, во всех сложившихся и имеющих относительно широкое распространение, ибо язык сам по себе является одним из способов существования этноса. Язык — наиболее яркий признак этноса и прямо связан с этническим самосознанием его носителей. Оставив в стороне не решённую пока в рамках науки проблему единого общечеловеческого праязыка, следует признать изначальное многоязычие человечества (опять же, в перспективе исторически обозримого прошлого), а значит, и неизбежность межъязыковых контактов, демонстрировавших контактирующим группам людей их инакость, главным показателем которой служил язык.

Бинарная оппозиция «свои — чужие», «мы — они» как в сознании человека, так и в языке имеет онтологический статус, причём «чужое», имеющее отношение к «ним», изначально маркировано всегда отрицательно. «Наивный этноцентризм первобытных людей выражался в естественном представлении о своей народности, общине, себе и своём обычном поведении как о нормальном, хорошем, мудром, как о благе. Другие же народности представлялись чуждыми, глупыми, смешными, часто враждебными и настораживающими» [Клейн 2004, 160]. На начальных этапах этногенеза возникали экзоэтнонимы (чаще всего предшествующие образованию самоназваний и эндоэтнономов), в которых все «чужие», независимо от их этнической принадлежности, не различались и обладали этнофолическим значением (некоторые из них в живых языках сохранились до сих пор), ср., например: др.-греч. *βάρβαρος* ‘варвар, не-эллин’ (было заимствовано латинским языком с уточнением значения — ‘не-римляне и не-эллины’; см. также ниже), др.-евр. *גוי* *goy* (мн. ч. *גוים* *goyim*) ‘племя; не-еврей, язычник’ (используется в Библии и для обозначения скопища животных или саранчи). «Подобно тому как в Греции “эллины” противопоставлялись “варварам”, так в древнем Китае “ся” (хуася) — “варварам четырёх стран света”. Хотя само по себе понятие “варвары” эволюционировало как в Греции, так и в Китае, для него в целом было характерно приписывание всем людям, не относившимся к “нашей” этнической общности, определённых врождённых свойств. Варвар — это неполноценный человек» [Крюков 1984, 10]. Этническая дифференциация экзоэтнонимов происходит на более поздних этапах этногенеза, когда уже сформировавшийся этнос начинает видеть, что «чужие» неоднородны, что они, хотя и

«другие», но «разные». Экспрессивность в номинации «разных других» появляется ещё позже и связана, как правило, с активными межэтническими контактами: войнами, торговыми отношениями, колонизацией, сосуществованием на одной территории и т.п. «Исторически экзонимы обычно не имеют той экспрессивной окраски, которую они приобрели впоследствии» [Герд 2005, 53].

Однако вопрос о возникновении экспрессивных этнонимов в конкретных языках сложен и недостаточно изучен. Обратимся к русскому языку. Когда же появились в нём экспрессивные этнонимы? Существовали ли они в церковнославянском языке русского извода и в живом древнерусском языке? Ещё В.В. Виноградов сетовал на то, что «история экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка вообще в языкознании мало исследована, пути и направления их развития в отдельных конкретных языках не выяснены» [1955, 70]. С тех пор ситуация мало изменилась. Так, Г.Ф. Ковалёв считает, что в Древней Руси «никогда не было случаев презрительного обозначения народов» [1994, 285], а значит, собственно этнофолизмов в древнерусском языке не существовало. Но нами установлено, что этнофолизмы — это лишь часть большой группы экспрессивных этнонимов, трудность выделения которых в древнерусских текстах заключается ещё и в том, что у нас нет чётких критериев для определения экспрессивности лексических единиц, представленных в средневековых памятниках, особенно этнонимов. Экспрессивность высказывания в древнерусском тексте может быть выявлена при анализе лишь синтаксических конструкций — словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств. Признаками экспрессивности здесь могут служить: образность (чаще всего проявляющаяся в функционировании со значением субъективно-эмоциональной оценки, а также сравнений), наличие риторических фигур и связанная с ними повышенная эмоциональность высказывания. Например, в «Слове о Законе и Благодати» митр. Илариона можно назвать экспрессивным (с определённой долей условности) упоминание *иудеев* в риторической конструкции с синтаксическим параллелизмом: «Христорь славимъ бываетъ, а иудѣи кленоми; языци приведени, а иудѣи отъриновени». В «Слове о полку Игореве» этноним *половчинь* выступает в экспрессивном контексте: «...ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронь, поганый половчине!» (см. синтаксический параллелизм, риторическое обращение, оценочные эпитеты). Ср. там же: «...прострошася половци, акы пардуже гнѣздо».

Богата экспрессивно-полемическими обращениями к *жидовину*

«Палея Толковая»: «Лютѣ же твоему невѣрствию, жидовине! Горе и самохотному изволенью твоему, окаанье!» В риторических обращениях «Палеи» к *жидовину* при данном этнониме весьма часты эпитеты: «оканны» или «оканьнии» (окаанный), «немысля исполнь», «жестосердыи», «погыбшии», «невѣрства исполненный», «забвенный», «не ѡвѣдавый истины», «Христовъ супостате». Экспрессивна также сравнительная конструкция с императивом: «...жидовине, не буди несмыслень и бесловесень яко змий». Те же эпитеты с эмоционально-негативной окраской приложимы и к этнониму *жидове* (мн.ч.), и к другим этно-конфессиональным терминам: «окаанныи жидове и сквернии бесурмене (т.е. ‘мусульмане’)», «о оканныи и треоканныи жидове», «оканьнии агаряне».

Отношение древнерусского книжника к другим народам (об отношении к ним простых носителей языка можно только догадываться) зависит прежде всего от двух экстралингвистических факторов: конфессионального и политического, — тогда как собственно этнические различия ещё не имеют особого значения. Важно лишь, о враге или союзнике, православном или иноверце идёт речь. Поэтому в негативном контексте упоминаются хазары и печенеги, половцы и татары, немцы и литовцы, а также и язычники вятичи — не только враги Русского государства, но и «нехристи» вообще. В этом и состоит основное отличие в функционировании экспрессивных этнонимов в древнерусских памятниках и в современном русском национальном языке. Конфессиональные различия для средневекового книжника были гораздо важнее, поэтому можно говорить о глубоком типологическом родстве между древнерусскими этнонимами и конфессиональными наименованиями (особенно в экспрессивной их функции) и предположить экспрессивный характер отдельных лексических единиц, обозначающих вероисповедную принадлежность, — таких, как: *латыны, латины, римляне* ‘католики’ (см. Лаврентьевскую летопись, под 988 г.: «Не преимаи же оученья от латын, ихъже оученье развъращено»; под 1263 г.: «...быс[ть] сѣча велика надъ римляны, и изби множ[е]ство бесчислено ихъ»); ‘мусульмане’: *бесермены, бесурмене, басурмане* и т.д. (см. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина: «Мене залгали псы бесермены...»), *агаряне* (см. «Палею»: «оканьнии агаряне»); *сарацины, срацины* (см. Лаврентьевскую летопись, под 1064 г.: «...наидоша бо срацини на Палестиньскую землю»), *измаилитяне* (см. «Палею»: «...вы же ѿвержени измаили нарекошестя», «иноземьци измалтяны»); прилагательное *поганый* ‘языческий’ (см. «Слово о полку Игореве»: «...потопташа поганья плъкы половецкыя», «поганый половчине»)

субстантивируется в ‘язычник’ и употребляется без определяемого слова как синоним этнического термина (см. там же: «Усобица княземъ на поганья погыбе»). Наличие же синонимических отношений между этнонимами является одним из показателей экспрессивности одного из них. Так, «синонимические отношения в текстах порою связывают этнонимы с некоторыми другими словами неэтнического профиля — например, имеющими вероисповедальное значение (хотя нередко включавшими сопутствующие оценки). <...> термин “поганые” чаще выступал синонимическим к этнониму “половцы” (позже — к “татары”), хотя реже был приложим и к другим названиям (“литва”, “чудь”)» [Шапошников 1992, 114]. Ср.: «А шны поганые татарове по шднорятке взяли да вѣсть дали в Хазтарахан ц[ар]ю» («Хождение за три моря»), — и: «Въ шестый д[е]нь рано приидоша погани ко градѹ...» («Повесть о разорении Рязани Батыем»).

В словарный состав современного русского языка входит большое число экспрессивных этнонимов, львиная доля которых приходится на разновидности нелитературного языка. Большинство из них словарями до сих пор не зафиксировано, многие включены в специальные словари, которые и послужили нам источником для исследования (а также собственные наблюдения над живым языком и опросы информантов), как-то: уже упомянутые словари Робака и «List of ethnic slurs», «Словарь московского арга» В.С. Елистратова [1994], «Словарь морского жаргона» Н.А. Каланова [2002], «В.И. Даль и тайные языки в России» В.Д. Бондалетова [2005], кроме того, использовались словари современного русского литературного языка, словари русских народных говоров, произведения современной русской литературы. Экспрессивные этнонимы в русском языке различаются по сфере употребления и стилистической окраске, которая, как мы отмечали, в подавляющем большинстве случаев носит сниженный характер и выводит эти слова за пределы литературного языка, однако существуют и к н и ж н ы е экспрессивные этнонимы: *агаряне, галлы, эллины* ‘современные греки’ и т.п., большинство из которых, по средневековой географической традиции, библейского происхождения. Различаются также общеупотребительные (в городском просторечии) экспрессивные этнонимы (*чурка, азер, жид, косоглазый* и т.п.) и ограниченные в употреблении: по социо-профессиональным группам (жаргоны моряков, уголовников, нищих, проституток, язык офеней, шерстобитов и т.п.) и территориально, причём в последнем случае следует

разграничивать два типа: диалектные экспрессивные этнонимы (зап.-укр. *роси* ‘восточные малороссы’ vs вост.-укр. *западеньці*, ленингр. обл. *чухарь* ‘вепс’, пелымск. *ваньза* ‘манси’) и принадлежащие наддиалектному языку конкретного региона, местной разновидности просторечия. Последнее явление особенно характерно для русского языка в «национальных» регионах Российской Федерации и бывших республик СССР: они богаты редкими, «эндемическими» образованиями, например: *абэвэгэдэйцы* ‘адыги’, *калбiт* ‘казах’, *карачай* ‘карачаевец’, *комики* ‘коми’, *лабус* ‘латыш’, *мамбёт*, *мырк* ‘киргиз, казах’, *сойон* ‘тувинец’, *харып* ‘узбек’ и др. В большинстве национальных республик России и бывшего СССР используется общее обозначение для представителей местных этносов, изначально официально-нейтральное: *национал*, *нацмен*, — возникшее в первые годы советской власти: «Прежнее название их [народов России – Н.Н., А.Г.] “иностранцы” считается оскорбительным. Вводится новый термин: *нацмены* — национальные меньшинства. Деятели среди них — это *националы*, национальные работники» [Селищев 1928, 110].

Важно отметить, что к экспрессивным этнонимам — при преобладании экзоэтнонимов, обозначающих «чужих», — относится и небольшая группа эндоэтнонимов, обозначающая «своих», зачастую с не меньшим пренебрежением, чем в этнофолизмах. В русском языке это: книжн. *росс/русс*, разг. и простореч. *русак*, *русачок*, *русачка*, *русонёт/русонёт/русонят*, *русотяп*, арго *рузман*, прибалт. *русман*, лифлянд. *русманка*, *русанка* (у казаков-некрасовцев), беломор. *русаночек* (возможно, экспрессивным было и др.-рус., зафиксированное только в «Слове о полку Игореве», *русичи*). Некоторые из них первоначально обозначали жителей центральных областей России в диалектах русских субэтносов (в основном казаков), а затем были восприняты общенациональным языком (*русонят*).

Среди экспрессивных этнонимов происходят следующие лексические процессы: приобретение экспрессивности (*жид*, *лях*, *нацмен*, *чукча* ‘представитель одного из коренных народов Сибири’ и др.) vs утрата экспрессивности (*немец*, *азиат* ‘жестокий, некультурный, отсталый человек’), устаревание (*лях*, *галл* ‘француз’, *бош* ‘немец (времен Первой мировой войны)’ и т.п.) vs появление неологизмов (в последние десятилетия: *блэк* ‘негр’, *ламериканец* (из наложения комп. жарг. *ламер* ‘начинающий пользователь компьютера’ и *американец*), *чехи*, *чичи* ‘чеченцы’ и др.).

По морфологическим показателям экспрессивные этнонимы — имена существительные, состав которых активно пополняется суб-

стантивированными прилагательными (*пархатый, чёрный*, уголовн. *обрезанный*, уголовн. *широкополая* ‘татарка’) и словами с невыраженными грамматическими признаками (*тумба-юмба* ‘негр’). У некоторых экспрессивных этнонимов не развилась форма единственного числа (в связи с чем можно предположить, что множественное число первично для этнонимов вообще), например: *чичи* ‘чеченцы’ (в ед. ч. употребляется обычно *чех*). Часть этнонимов представляет собой составные номинации, см., например: *безродный космополит, жидовская морда*.

Разнообразны способы создания экспрессивных этнонимов. Это, во-первых, семантическая деривация — использование метафорического или метонимического переноса, ср.: *африка, шоколадка, негатив* ‘негр’ (в последнем слове обыгрывается также звуковая близость начала слов *негр* и *негатив*). Во-вторых, это заимствование, см., например: *бритии, американ, ара* (от армянск. ‘иди сюда’), *курат* ‘эстонец’ (от эст. *kurat* ‘чёрт’), *ниггер, харып* ‘узбек’ (этимология крайне затемнена: одна из самых очевидных версий — от араб. *harīb* ‘чужак’). В третьих, это апеллятивизация распространённых в том или ином этносе имён или фамилий, ср.: *ганс, джон, мамед, фриц, рабинович, имуль, абрам*.

Наконец, это использование аффиксальных и безаффиксных способов словопроизводства. Наибольшую продуктивность в сфере образования этнонимов проявляет суффиксация; см., например: *америкашка, итальяха, курултаец* (‘башкир’), *мамалыжник* (‘румын, молдаванин’), *макаронник*. При этом используются как стилистически нейтральные суффиксы со значением лица, так и суффиксы, маркированные в стилистическом отношении, обладающие яркой экспрессивностью (*-ах-, -уг-, -ух-* и др.), например: *фрэнчуха, еврюга, итальяха*. Другой, не менее важный для образования современных экспрессивных этнонимов способ — усечение. Усечение само по себе выполняет в языке экспрессивную функцию, которая совмещается с компенсаторной. В результате сокращения появляются стилистически сниженные, обычно пренебрежительные наименования: *азербайджанец* → *азер*, *вьетнамец* → *вьет*, *дагестанец* → *даг*, *чеченец* → *чех*.

Отмеченные способы создания экспрессивных этнонимов могут взаимодействовать: так, например, шутовское обозначение немца *карлуша* — результат апеллятивизации имени собственного *Карл* и суффиксации. Экспрессивные этнонимы обладают развитым деривационным потенциалом. Во многих случаях от них образуются производные слова: в словообразовательную парадигму входят обыч-

но относительные прилагательные (*джапан* → *джапанский* ‘японский’, *чайн* → *чайновый* ‘китайский’), женские корреляты (офен. *скес* ‘еврей’ → *скесовка*) и дериваты с различными оценочными формантами (*жидяра*, *жидок*, *жидишка*, *жид(ед)ёнок*, *жидомор*, *жидюк*).

Особую группу в составе экспрессивных этнонимов составляют собирательные существительные, ср.: *нерусь*, *татарва*, *чумазия*. Они образуются суффиксальным способом (в том числе и нулевой суффиксацией). В собирательных именах ярко проявляется значимое для функционирования экспрессивных этнонимов вообще нивелирование индивидуальных различий между представителями других этносов, обуславливающее присущую этим наименованиям усреднённо-отрицательную оценку «чужих» как некой нерасчленённой массы. К собирательным этнонимам близки наименования в форме множественного или единственного числа, которые недифференцированно обозначают на основе общего признака представителей разных этносов, объединяя их; см., например: *чёрные*, *черномазые*, *чукча*, *чукмеки*.

В основу экспрессивного этнонима могут быть положены различные мотивировочные признаки, связанные с языковыми стереотипами, доминирующими в тот или иной исторический период. Особенности номинации представителей народов обусловлены общекультурной оппозицией «свой — чужой» и обычно отражают конфликты, существующие между этническими группами. «Конфликты способствуют складыванию стереотипов, главным образом недоброжелательных, и одновременно пользование этими негативными стереотипами национальностей закрепляет и подпитывает конфликты» [Бартминьский 2005, 178]. Стереотипы исторически изменчивы — подвижны и признаки, определяющие внутреннюю форму экспрессивного этнонима. Показательна динамика наименований немца в польском языке. Первоначально для обозначения чужого использовались названия деталей внешнего облика: *pludry* ‘штаны’ → *pludrak*, *harkap* ‘коса’ → *harkap*; позднее мотивировочным признаком служит уже распространённая у немцев пища: *kartoflarz*. Параллельно употребляются этнонимы, в основе которых — профессиональный признак: *luter*, *kalwin*. «События второй мировой войны способствовали закреплению негативных элементов традиционного стереотипа» [Там же, 275].

Анализ экспрессивных этнонимов показал, что ряд мотивировочных признаков носит устойчивый характер и учитывается в номинациях представителей разных народов. Это, во-первых, цветовой признак: цвет кожи, волос, глаз. Так, наиболее распространённым эпитетом при описании чуди в речи жителей русского Севера было

определение *белоглазая*; в современной речи используются выражающие ненормативную оценку наименования *чёрный, черномазый*. Обращение к цветовому признаку в сфере этнонимов делает релевантным противопоставление «светлый — тёмный». Отчуждающие номинации, как правило, основаны на отрицательной оценке тёмных тонов, чёрного цвета.

Во-вторых, в качестве мотивировочного признака могут выступать другие детали внешности, см., например: *хохол, косоглазый, узкоглазый*. Образ «чужого» устойчиво наделяется особыми телесными признаками. Так, сербы считали, что у турок нет пяток, что сближало образ врага с представлениями об облике нечистой силы; у черногорцев были распространены представления о «хвостатых» турках [Вукановић 1931]. Связь представителей других этносов с нечистой силой является довольно устойчивой. В русском языке это такие обобщённые экспрессивные этнонимы, как: *собирач, нечисть, бесы, черти, духи* (изначально *душманы*), *кураты* (хотя, возможно, связано и с омонимичным эст. междометием-ругательством, см. ниже образования типа *асей*), офен. *скес* ‘еврей’ ← ‘чёрт, бес’. Некоторые экспрессивные этнонимы мифологизируются в фольклоре, становятся вторичным образом нечистой силы: например, в Средней Азии русские родители пугают своих детей *бабаём, бабайкой*, чтобы те скорее уснули.

В-третьих, при экспрессивной номинации другого этноса учитываются особенности одежды, ср.: *чалма, феска* ‘турок’. Однако более распространённым признаком является отношение к той или иной пище, см., например, такие этнонимы, как: *шашлык, колбасник, макаронник, мамалыжник, лягушатник, рис, урюк, чурек* (в последнем случае возможно и звуковое сближение со словом *чурка*).

Для внутренней формы этнонимов важен конфессиональный аспект оппозиции «свой — чужой»: своя вера противопоставляется чужой, которая оценивается как греховная, неправедная (ср. русск. и укр. *нехристь*). Неслучайно в народной культуре (как и в рассмотренной нами выше древнерусской книжности) конфессиональный признак отождествляется с этническим и, напротив, этническая характеристика оказывается значимой для определения конфессии, ср.: *польская вера, немецкая вера*. Так, в XVII–XIX вв. в Сербии называли турками представителей разных этносов, исповедующих ислам. «Целый спектр “чужеродных” наименований представлен в названиях *некрещёных* детей, которые осознаются как не принадлежащие своему этносу: болг. *еврейче, турко/турченче, цыганче, мохамуданче*;

ю.-рус. *жидок некрещёный*; с.-рус. *лопъ* от “лопарь”» [Белова 2005, 80].

Столь же важным, особенно в исторической перспективе, является собственно языковой аспект отмеченной оппозиции. Чужой язык часто осознаётся как «дикий», «заумный», «непонятный», а представитель другого этноса оценивается как лицо, не способное к общению, полноценной коммуникации, ср.: др.-греч. *βάρβαρος* (от звукоподражания непонятной речи), русск. *немец*, польск. *gluchoniemiec* ‘немец’. В основе внутренней формы экспрессивного этнонима также может лежать воспроизведение того или иного слова или выражения, получившего широкое распространение в межэтнической коммуникации, например: *асей*, *асейка* ‘англичанин’ (устар., морск., арханг.) ← англ. *I say*; *шваль* ‘француз’ (устар., времён Отечественной войны 1812 г.) ← *cheval*; *генацвали* ‘грузин’; *камай* (жарг.) ‘англичанин, американец’ ← искаж. *come on*. Экспрессивный этноним, наконец, может представлять собой имитацию характерных для чужого языка звукосочетаний, создающую комический эффект, например: *то-яма-то-канава* ‘японец’.

Наиболее экспрессивными представляются этнонимы, внутренняя форма которых основана на сближении человека определённой национальности с животным, ср.: *козлюня* (арго) ‘еврей’, *носорог* (жарг.) ‘выходец из Средней Азии или Кавказа’, *зверь/зверёк*, *сайгак*, *макака* (устар., времён Русско-японской войны) ‘японский солдат’. Именно им особенно присуща уничижительная оценка, их употребление наиболее резко нарушает этические нормы общения.

С другой стороны, экспрессивность может проявляться в некоторых редких случаях скрыто, намёком. Так возникают этнонимы-эвфемизмы, среди которых можно выделить два типа: эвфемизмы, предназначенные для затемнения значения табуируемого слова, и эвфемизмы-перифразы, предназначенные для подчёркивания этого значения. В современном русском языке табуированию подвергается наименование только одного этноса — евреев. К первому типу эвфемизмов со значением ‘еврей’ относится составное наименование *безродные космополиты*, возникшее в советской печати на закате сталинской эпохи, и псевдоэтноним *израильтяне*, употребляющийся в языке современных СМИ (по своей внутренней форме, указывающей на *государство Израиль*, он, казалось бы, должен иметь значение ‘гражданин Израиля’, однако, возможно, неосознанно для самих журналистов и дипломатов обращается к библеизму *народ Израиль*) и соотносимый с собственно этнонимом *арабы* (отсюда клише-гибрид

арабо-израильский конфликт). Ко второму типу относятся слова *хазары, картавые, картавоговорящие, французы* (последний этноним спорадически используется в речи русских Узбекистана для обозначения узбеков; там же встречается и подобное употребление слова *хохлы*). В связи с осложнением межэтнических отношений в настоящее время следует ожидать роста эвфемистических образований.

Таким образом, в общих чертах рассмотренные нами особенности экспрессивных этнонимов позволяют говорить об их устойчивости в современном русском языке, равно как и в других языках, в том числе европейских, где они объявляются «вне закона», признаются «неполиткорректными» и т.п. Безусловно, большая часть данных наименований принадлежит к этнофолизмам и служит одним из самых мощных средств языка вражды, поскольку прямо именуется «чужих», придавая этническим номинациям негативный характер. Однако не следует игнорировать и существование наименований более терпимых, но всё же остающихся экспрессивными. Из наличия в языке этнофолизмов нельзя также делать выводы о его нетолерантности или нетолерантности целого народа. Их нужно изучать и делать выводы о причинах их появления в языке, причём не только экстралингвистических, но и собственно языковых, когда экспрессивные этнонимы определяются самой с и с - т е м о й языка.

ЛИТЕРАТУРА:

- Бартминьский Е., 2005.** Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. — М.: Индрик.
- Белова О.В., 2005.** Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. — М.: Индрик.
- Бондалетов В.Д., 2005.** В.И. Даль и тайные языки в России. — 2-е изд., испр. — М.: Флинта: Наука.
- Виноградов В.В., 1955.** Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. № 1.
- Вукановић Т., 1931.** Лична имена код Срба // ГЕМБ. 1931. № 6.
- Герд А.С., 2005.** Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та.
- Елистратов В.С., 1994.** Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг.: Ок. 8000 слов и 3000 идиоматич. выраж. — М.: Русские словари.
- Каланов Н.А., 2002.** Словарь морского жаргона. — М.: Русские словари.
- Клейн Л.С., 2004.** Становление гуманитарной традиции (от первобытности до Возрождения) // Развитие личности. № 2.
- Ковалёв Г.Ф., 1994.** Этнонимия Древней Руси // Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочёва. — М.: Школа-Пресс.
- Крюков М.В., 1984.** «Люди», «настоящие люди» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика — М.: Наука.
- Мокишин Н.Ф., 1991.** Мордва — этноним или этнофолизм? // Советская этнография, №4, стр. 84-93.
- Пренко Л.И., 2004.** К вопросу о семантике французских этнофолизмов // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру; 8 Симпозиум «Теоретические и прикладные аспекты исследования языков народов Северного Кавказа и других регионов мира»: Тез. докл. IV Междунар. конгресса 21-24 сентября 2004 г. — Пятигорск. [Электрон. ресурс] Режим доступа: (<http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=1030>).
- Селищев А.М., 1928.** Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) — М.: Работник просвещения.
- Шапошников В.Н., 1992.** Историческая этнонимика: Учебное пособие. — СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена.
- Ericson E.E., 1939.** Ethronyms: Derisive names for various peoples // Words, 5, 100-103.
- Mullen B., Rozell D., Johnson C., 2001.** Ethnophaulisms for ethnic immigrant groups: the contributions of group size and familiarity // European Journal of Social Psychology. Vol. 31. Issue 4.
- Roback A.A., 1979.** A Dictionary of international slurs (ethnophaulisms) / With a supplementary essay on aspects of ethnic prejudice. — 2nd edition, reprint. — Waukesha (Wisconsin): Maledicta Press.